
РАКУРСЫ

Г.В. ГОЛОСОВ*

ЧЕСТНОСТЬ ВЫБОРОВ И ЯВКА ИЗБИРАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, как восприятие честности выборов влияет на явку в условиях авторитаризма. Делается вывод, что восприятие выборов как относительно честных способствует увеличению явки. Однако авторитарные режимы способны добиваться высокой явки также посредством партийных механизмов и контроля над СМИ. Сочетание относительно честных выборов и высокого уровня авторитаризма может привести к снижению явки, поскольку способствует распространению среди оппозиционно настроенного электората абсентеизма как рациональной стратегии протеста. Воздействие нарушений на выборах на поведение избирателей обусловлено способностью последних распознавать эти нарушения.

Ключевые слова: выборы; честные выборы; явка избирателей; авторитаризм.

Для цитирования: Голосов Г.В. Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 67–89. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

* **Голосов Григорий Васильевич**, университетский профессор сравнительной политологии, декан факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ggolosov@gmail.com

Golosov Grigori, European University at Saint Petersburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: ggolosov@gmail.com

© Голосов Г.В.

DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

G.V. Golosov

Fairness of elections and voter turnout under authoritarianism

Abstract. The article analyses how perception of election fairness influences the turnout under authoritarianism. It is argued that the perceived relative fairness of elections facilitates voter turnout in contemporary authoritarian regimes. However, strong party organisation and/or media control make highly authoritarian regimes capable of increasing voter turnout irrespective of the level of fairness of elections. A combination of relatively fair elections with greater degrees of authoritarianism tends to decrease voter turnout by making it more possible that opposition-minded voters will employ a protest strategy of rational abstention. The impact of different components of the fairness of elections upon voter turnout depends on the voters' ability to observe and understand different varieties of electoral malpractice.

Keywords: elections; fair elections; voter turnout; authoritarianism.

For citation: Golosov G.V. Fairness of elections and voter turnout under authoritarianism // Political science (RU). – M., 2019. – N 1. – P. 67–89. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.04

Ведущие теоретики политической науки расходятся во мнениях относительно того, считать ли высокую явку на выборы необходимым условием успешного функционирования демократии. Тем не менее все они склонны считать высокую явку ключевым индикатором ее качества [Dahl, 1998; Schattschneider, 1960; Lijphart, 1999]. Политическая наука аккумулировала значительный объем знаний о факторах, влияющих на активность избирателей в демократиях – как устоявшихся [Blais, Dobrzynska, 1998; Cancela, Geys, 2016; Franklin, 2004; Jackman, Miller, 1995; Norris, 2002; Radcliff, Davis, 2000; Blais, 2006; Geys, 2006; Stockemer, 2016], так и новых [Fornos, Power, Garand, 2004; Kostadinova, 2003; Kuenzi, Lambright, 2007; Pacek, Pop-Eleches, Tucker, 2009; Pérez-Liñán, 2001]. Однако довольно скромное внимание уделяется вопросу, как сказывается на поведении избирателей честность выборов. Действительно, при анализе устоявшихся демократий естественно исходить из допущения честности выборов. При анализе новых демократий такое допущение далеко не всегда оправданно, и корпус литературы, посвященной связи между честностью выборов и явкой избирателей, постепенно увеличивается [Birch, 2010; Carreras, İrepoğlu, 2013; Simpser, 2012; Stockemer, LaMontagne, Scruggs, 2013]. Исследования показывают, что в большинстве слу-

чаев явка в условиях демократии растет, если избиратели воспринимают выборы как честные.

Вопрос, как влияет честность выборов на явку избирателей при авторитаризме, не пользовался особым вниманием. Между тем электоральный авторитаризм, то есть политический режим, использующий выборы и иные институты, ассоциирующиеся с демократией, но при этом остающийся авторитарным по базовой модели приобретения и передачи власти [Magaloni, Kricheli, 2010], широко распространен. В литературе признается, что авторитарные институты – не фикция, их вклад в эффективность и долговечность политических режимов значителен [Brownlee, 2007; Gandhi, Lust-Okar, 2009; Geddes, 2003; Jensen, Malesky, Weymouth, 2014; Magaloni, 2006; Smith, 2005]. И все же явка на авторитарных выборах – это особая тема. Можно утверждать, что такие выборы нечестны по определению в силу своей основной функции – способствовать сохранению автократии. Однако в публичной риторике самих авторитарных режимов дело обстоит иначе. Они прилагают значительные пропагандистские усилия для того, чтобы доказать честность своих выборов. Поэтому имеет смысл задаться вопросом, находят ли эти усилия понимание среди избирателей. Как восприятие честности выборов влияет на явку в условиях авторитаризма?

Явка на выборы в условиях авторитаризма: Теоретический очерк

В отличие от демократий, где смена власти путем выборов естественна (хотя и не обязательна), в условиях авторитаризма власти обычно располагают широким набором институциональных механизмов и политических средств, позволяющих избежать такого исхода. Хотя некоторые автократы уступают власть в результате выборов [Bunce, Wolchik, 2010; Howard, Roessler, 2006; Democratization by... 2009; Magaloni, 2010; Zavadskaya, Welzel, 2015], это происходит довольно редко и в весьма специфических ситуациях. Обычно это связано с усилением давления со стороны внутренней оппозиции и неблагоприятной для режима внешнеполитической ситуацией, в результате чего он оказывается на грани коллапса. Тогда автократ может использовать выборы для того,

чтобы уйти с политической арены мирно и сравнительно безболезненно. Исследования показывают, что явка на «опрокидывающие» выборы может оказаться довольно высокой даже тогда, когда многие избиратели убеждены в их нечестности [Howard, Roessler, 2006; Kostadinova, Power, 2007]. Однако предметом этого исследования будут стабильные авторитарные режимы, использующие выборы не для того, чтобы уступить власть, а для того, чтобы ее удержать.

И при демократии, и при авторитаризме цель находящихся у власти – сохранить ее. Разница лишь в средствах ее достижения. Автократы не полагаются на волю избирателей и располагают широким «меню манипуляций» [Schedler, 2002], гарантирующим им победу на выборах. Основными пунктами этого «меню» являются ограничения на регистрацию оппозиционных партий и кандидатов, монополия на ведение кампании в общедоступных СМИ и прямые политические репрессии. Если автократ уверен в эффективности этих средств и победа на выборах рассматривается как гарантированная, то появляются вторичные соображения, в том числе по поводу явки. Во-первых, высокая явка служит показателем способности режима контролировать поведение масс и обеспечивать их политическую мобилизацию в собственных интересах. Угроза раскола в рядах правящей группы – важный сигнал как для возможных соперников, так и для международной общественности. Во-вторых, почти все современные авторитарные режимы претендуют на признание себя либеральными демократиями. Даже если таких претензий нет, пропаганда все равно основана на тезисе о воле народа как основе политической практики. А это значит, что усилия по мобилизации избирателей должны быть по меньшей мере такими же эффективными, как и в условиях демократии. С этой точки зрения высокая явка – не менее важный компонент электорального успеха, чем результаты официальных партий и кандидатов. Она способствует легитимации режима [Blaydes, 2010], улучшает его международную репутацию и даже помогает привлекать иностранные инвестиции [Brinks, Coppedge, 2006].

Поэтому у автократов есть основания стремиться к высокой явке. Разумеется, им нетрудно установить логическую связь между общественным восприятием честности выборов и явкой: понятно, что на нечестные выборы ходить бессмысленно. Ясно, однако, и то, что результаты явки можно подделать так же, как и результаты

выборов. Исследования показывают, что официальные показатели явки в условиях авторитаризма нередко многократно завышаются [Lindberg, 2005; Goodnow, Moser, Smith, 2014]. В результате автократ сталкивается с дилеммой. С одной стороны, можно провести совершенно нечестные выборы и солгать о высокой явке. С другой стороны, можно сделать выборы несколько более честными и повысить этим реальную явку. Во многих случаях вторая стратегия может оказаться предпочтительной. Такая логика не чужда даже однопартийным коммунистическим режимам вроде существующего сегодня во Вьетнаме [Vui, 2014]. Но есть и более практические соображения. Прямые фальсификации повышают риск массовых протестов и потому опасны для автократов [Magaloni, 2010]. С этой точки зрения авторитарным режимам лучше избегать прямых фальсификаций и полагаться на другие пункты «меню манипуляций» [Goloso, 2016 a]. Но если фальсификации носят ограниченный характер, то высокая явка станет полезным дополнением к искомому результату – победе на выборах.

Что побуждает избирателей к участию в авторитарных выборах? Дженнифер Ганди и Эллен Ласт-Окар отмечают: «Самое поразительное в современной литературе – большое сходство между электоральным поведением в авторитарных режимах и демократиях» [Gandhi, Lust-Okar, 2009, p. 414]. Хотя некоторые исследователи не вполне согласны с этим наблюдением [Martinez i Soma, 2016], в целом сходство не вызывает сомнений. Поэтому основные теории электорального поведения применимы и к анализу явки на выборы в условиях авторитаризма. Эти теории можно разделить на две категории: инструментальные и экспрессивные [Тóка, 2009]. Согласно инструментальным теориям, основным мотивом электорального поведения является стремление оказать влияние на политический курс и / или наказать действующее правительство за низкое качество управления, особенно в экономической сфере [Mueller, Stratmann, 2003]. Если выборы воспринимаются как нечестные, то инструментальные стимулы к участию в них стремятся к минимуму. И действительно, исследования свидетельствуют о ничтожном влиянии авторитарных выборов на политический курс [Malesky, Schuler, 2009]. Более того, выявлено, что низкая экономическая эффективность управления обычно не сказывается на электоральных результатах авторитарных режимов. Некоторые из них даже улучшают свои результаты в условиях

экономических кризисов [Diaz-Cayeros, Magaloni, Weingast, 2003; Golosov, 2016 b].

Но это не означает, что явка в условиях авторитаризма совершенно лишена инструментальной составляющей. Разумеется, следует отвлечься от прямого, связанного с насилием принуждения к явке на выборы, которое сегодня практикуется лишь в немногих наиболее репрессивных автократиях [van Ham, Lindberg, 2016]. Однако в распоряжении авторитарных режимов остаются механизмы, связанные с клиентелизмом и патронажем. Обычно клиентелизм (патрон-клиентские отношения) определяется как такая модель электорального поведения, при которой действия избирателя обусловлены возможностью получения личной выгоды от голосования. Исследования некоторых авторитарных режимов, особенно ближневосточных и латиноамериканских, регистрируют массовые и регулярные проявления клиентелизма [Blaydes, 2010; Magaloni, 2010]. Как отметила Эллен Ласт-Окар, «выборы при авторитаризме – это важная арена для конкуренции, но не по поводу политического курса, а по поводу патронажа» [Lust-Okar, 2006, p. 456]. Хотя в широком смысле клиентелизм расходится с понятием о честных выборах, его наличие не исключает того, что по некоторым ключевым параметрам – прежде всего по отсутствию нарушений при подсчете голосов – выборы носят честный характер.

Более того, конкурирующие между собой боссы, каждый из которых располагает собственными клиентелистскими ресурсами, могут договориться об относительно прозрачных правилах игры. Именно таким был один из путей к честным выборам в Латинской Америке [Lehoucq, Molina, 2002]. Во многих демократиях клиентелизм был широко распространен в прошлом [Guterbock, 1980; Clientelism, interests, and... 2001], а в некоторых остается заметным явлением и по сей день [Gans-Morse, Mazzuca, Nichter, 2014]. Будучи механизмом мобилизации избирателей, клиентелизм естественным образом способствует явке. Но нет никаких оснований считать, что в условиях клиентелизма она будет высокой. Ведь если на выборы приходят только избиратели, получающие от этого непосредственные личные выгоды, то у огромной массы населения, не имеющей доступа к клиентелистским кормушкам, стимулы к явке исчезают. И действительно, в основных регионах этого явления, то есть на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, господство клиентелизма сопровождается низкой активностью изби-

рателей. Исключение составляли лишь некоторые страны, в которых клиентелистские связи задействовались для строительства сильных массовых партий [Pappas, 2009; Stokes, 2000].

Согласно экспрессивным теориям поведения избирателей, основным стимулом к поведению избирателей, включая решение прийти на выборы, является психологическое удовлетворение от акта выражения политической поддержки [Tullock, 1971]. И хотя поддержка выражается непосредственно определенным партиям или кандидатам, существует также связь между явкой и поддержкой политического режима в целом. Многочисленные исследования недвусмысленно свидетельствуют о том, что как в новых, так и в старых демократиях высокий уровень удовлетворенности режимом способствует росту активности избирателей [Political choice... 2004; Franklin, 2004; Grönlund, Setälä, 2007; Hadjar, Beck, 2011; Karp, Banducci, 2008; Norris, 2002]. Нет никаких оснований отрицать возможность такой связи при авторитаризме. Если значительная часть населения верит, что режим благотворен для страны в целом и отдельных граждан в частности, то явка может повыситься. Это происходит не только потому, что граждане хотят поддержать режим, но и потому, что лояльность режиму побуждает их закрывать глаза на нарушения. Разумеется, культивация доверия к властям требует значительных пропагандистских усилий. Для этого традиционно используются два основных инструмента: идеологизированные партии [Gunther, Diamond, 2003] и пропаганда в СМИ.

Идеологизированные партии играли ключевую роль в функционировании двух исторически важных типов авторитаризма: коммунистических режимов и мобилизационных националистических режимов в странах «третьего мира». Признано, что основу взаимодействия этих режимов с населением составляла индоктринация [Pop-Eleches, Tucker, 2014]. Хотя для этой цели широко привлекались СМИ, базовый элемент взаимодействия составляли системы «политического просвещения», функционировавшие в рамках правящих партий и связанных с ними массовых организаций. Современные авторитарные режимы редко опираются на идеологизированные политические партии [Isaacs, Whitmore, 2014], однако им удастся компенсировать отсутствие систем «политического просвещения» колоссальным повышением эффективности массовой пропаганды, особенно с помощью электронных

СМИ [Rodan, 2003; Schatz, 2009]. Казалось бы, за счет этого можно добиться значительного повышения явки независимо от того, честные они или нет. Но даже в этих условиях общественное восприятие честности выборов имеет значение как для самих автократов, так и для избирателей. Способность к пропагандистской мобилизации избирателей обусловлена двумя характеристиками авторитарных режимов. Во-первых, она присуща наиболее авторитарным режимам, включая не только партийные режимы, но и богатые ресурсами автократии, которые могут себе позволить полный контроль над СМИ [Egorov, Guriev, Sonin, 2009]. Во-вторых, она свойственна режимам, которые уверены в благоприятном для себя исходе выборов и расценивают сопряженные риски как ничтожные. Поэтому они могут позволить себе отсутствие прямых фальсификаций. Но если избиратели рассматривают официальные результаты выборов как соответствующие реальному волеизъявлению граждан, то у тех из них, кто настроен критически по отношению к режиму, возникает естественное побуждение к отказу от явки как к средству выражения протеста.

Протестный отказ от голосования широко наблюдается в демократических условиях [Echebarria Echabe, 2014]. И действительно, эта стратегия имеет смысл лишь тогда, когда избиратель испытывает разумную уверенность в том, что власти не подтасовывают уровень явки. Иными словами, протестный абсентеизм основан на предположении минимальной честности выборов, то есть честности на уровне подсчета голосов. Понятно, что это допущение остается необходимым для такой модели поведения и в условиях авторитаризма. Если результаты выборов полностью подделываются, то абсентеизм не имеет инструментального смысла. Он просто не найдет отражения в официальной статистике. В этих условиях избиратель, даже если он критически настроен по отношению к режиму, может пойти на выборы под воздействием различных стимулов. Спектр этих стимулов широк: от клиентелизма до желания выразить протест против режима, основанного на уверенности, что самим-то властям известны «настоящие» результаты голосования. Кроме того, рациональный избиратель может рассудить, что при большом числе голосов за оппозицию режиму придется тратить больше ресурсов на фальсификацию результатов выборов. Но если допущение честности подсчета голосов правдоподобно, то рациональной стратегией для критически

настроенных избирателей становится именно абсентеизм. Он оказывается стратегией политического протеста. Исследования показывают, что эта стратегия – пусть даже в рамках узких социальных слоев и ограниченных территорий – практиковалась даже в условиях репрессивных коммунистических режимов прошлого столетия [Karklins, 1986]. Таким образом, комбинация высокого уровня авторитаризма и массового представления о честности подсчета голосов может несколько снижать явку.

Рабочие гипотезы и переменные

Основные гипотезы исследования основаны на представленных теоретических соображениях. Во-первых, я ожидаю, что авторитаризму, как и демократии, присуща тенденция к *положительной связи между явкой на выборы и уверенностью общества в их честности* (Гипотеза 1). Во-вторых, поскольку сильные авторитарные режимы располагают более эффективными средствами мобилизации избирателей, *высокому уровню авторитаризма соответствует более высокая явка* (Гипотеза 2). Но при этом, в соответствии с представленным в конце предыдущего раздела рассуждением, *комбинация высокого уровня авторитаризма с общественным восприятием выборов как относительно честных ведет к снижению явки* (Гипотеза 3). Эти гипотезы не предполагают исчерпывающей модели, объясняющей явку на выборы в условиях авторитаризма. Интересную (хотя и довольно слабую с эмпирической точки зрения) попытку такого рода можно найти в литературе [Martinez i Coma, 2016]. Моя цель – проанализировать связь между явкой и восприятием выборов как честных. Вторая и третья гипотезы, касающиеся характера политического режима, вводятся лишь как контрольные переменные, необходимость которых обоснована теоретически. По той же причине ниже сформулированы две дополнительные гипотезы.

Все автократии можно ранжировать по степени авторитаризма. Режимы с высоким уровнем авторитаризма располагают повышенной способностью к мобилизации избирателей за счет партийно-политических механизмов и / или тотального контроля над СМИ. Такие режимы характеризуются, в частности, широким распространением клиентелизма. Однако понятие об уровне авто-

ритаризма, независимо от способа его операционализации, не вполне соответствует понятию мобилизационной способности режима. С одной стороны, есть исторические примеры крайне авторитарных, репрессивных режимов (в частности, личных диктатур), которые были лишены мобилизационной способности и для достижения высоких результатов на выборах полагались исключительно на фальсификации. С другой стороны, некоторые либерализованные автократии располагали довольно значительными партийными и / или медийными ресурсами для мобилизации избирателей. Поэтому важно сформулировать дополнительные гипотезы, касающиеся отдельных типов авторитаризма. С содержательной точки зрения эти гипотезы представляют собой простые спецификации основных гипотез, а с методологической точки зрения позволяют изолировать влияния предельных случаев на результаты статистического анализа. В частности, совершенно очевидно, что в особом рассмотрении нуждаются коммунистические режимы, достигшие наивысшей мобилизационной способности [Friedgut, 1979; Lockhart, 1997]. Отсюда гипотеза, согласно которой коммунистическим режимам присуща высокая явка на выборы (Гипотеза 4).

Гораздо труднее выделить в качестве отдельного типа режимы с низкой мобилизационной способностью. Я исхожу из допущения, что у таких режимов полностью отсутствуют партийные механизмы мобилизации, в результате чего они вынуждены опираться преимущественно на клиентелизм. С эмпирической точки зрения в таких режимах политические партии либо запрещены, либо играют ограниченную роль в избирательном процессе. В таких случаях партийная принадлежность кандидатов вообще не отмечается в избирательном бюллетене – либо подавляющее большинство кандидатов (включая прорежимных) официально участвуют в выборах как независимые. Подобные модели избирательного процесса наблюдались в Иордании [Lust-Okar, 2006] и Марокко [Daadaoui, 2010]. Хотя ныне в этих странах уже возникли авторитарные партийные системы, модель продолжает практиковаться в других автократиях [Golosov, 2013]. Согласно моей гипотезе, *беспартийным выборам свойственна низкая явка избирателей* (Гипотеза 5).

Ниже представлена основная модель исследования, в которой явка на выборы выступает в качестве зависимой переменной, а независимые вводятся в порядке перечисленных гипотез. В связи с

Гипотезой 3 соответствующая переменная носит интерактивный характер. При этом учтено, что если теоретическая модель включает интерактивные переменные, то для валидации эмпирических результатов необходимо включить также отдельные элементы интеракции [Brambor, Clark, Golder, 2006]. Модель такова:

$$VT = \beta_0 + \beta_1 PEIIndex_i + \beta_2 PR + \beta_3 (PEIIndex_i \times PR) + \beta_4 CR + \beta_5 NPE + \varepsilon.$$

Если сформулированные гипотезы верны, то коэффициенты β_1 , β_2 и β_4 должны быть положительными, а β_3 и β_5 – отрицательными. Ниже даны определения переменных.

Явка избирателей (VT) обычно определяется как число действительных голосов, поделенное на число зарегистрированных избирателей и умноженное на 100 (процентная доля). Поскольку ограниченные верхним и нижним пределами зависимые переменные не вполне подходят для статистического анализа, значения VT были трансформированы по формуле $\ln(x/(1-x))$, где x – абсолютная доля от единицы. Эта процедура, известная как логит-трансформация, была особенно полезной ввиду того, что некоторые значения переменной по выборке близки к верхнему пределу. Ниже сообщаются только результаты, полученные с использованием логит-трансформированной зависимой переменной. Впрочем, проверка показала, что трансформация не повлияла скольконбудь существенно на значимость отдельных независимых переменных.

Для проверки Гипотез 1 и 3 используется индекс PEI ($PEIIndex_i$), выступающий в качестве основного показателя честности выборов. Индекс PEI был разработан участниками проекта под руководством Пиппы Норрис [Norris, 2014]. Он представляет собой обобщение экспертных оценок честности выборов в отдельных странах с точки зрения соответствия практик избирательного процесса международным нормам и стандартам. Значения индекса PEI даны для максимально широкой выборки стран, а внутри этой выборки – для всех выборов в течение длительного исторического периода. Экспертный опрос включал оценки по 49 ключевым параметрам, сгруппированным в 11 основных категорий. Это позволяет рассматривать индекс PEI как суммарный показатель, служащий эмпирическим референтом понятия о честности выборов. Значения индекса нормализованы и ограничены пределами от 1 до 100.

Для проверки Гипотез 2 и 3 в качестве независимой переменной, фиксирующей уровень авторитаризма, использовались цифры рейтинга политических прав (*PR*) неправительственной организации Freedom House. Значения варьируются от единицы (полные демократии) до семи (наиболее авторитарные режимы). Конечно, процедуры Freedom House небезупречны [Munck, Verkuilen, 2002], однако альтернативные замеры авторитаризма не релевантны целям настоящего исследования в силу узости географического и / или хронологического охвата. Для проверки Гипотез 4 и 5 использованы дихотомические переменные «Коммунистический Режим» (*CR*) и «Беспартийные Выборы» (*NPE*), получавшие ненулевые значения в случаях наличия соответствующих свойств. Критерии для определения этих свойств будут изложены позже.

Представленная модель оценивает общие последствия честности выборов для явки. Но, как отмечено выше, индекс PEI – это композит 11 отдельных компонентов, имеющих отношение к отдельным аспектам выборов. Учет того, что эти компоненты могут по-разному влиять на явку, важен и с содержательной, и с методологической точки зрения. С содержательной точки зрения отнюдь не праздный вопрос, как влияют на явку отдельные виды нарушений на выборах. С методологической точки зрения признано, что если переменная представляет собой композитный индекс, то необходимо реплицировать анализ на отдельных его составляющих [Jackman, Miller, 1995]. Это значит, что для получения достоверных результатов анализа следует повторить его с использованием каждого из 11 индивидуальных компонентов индекса PEI. Моя рабочая гипотеза в связи с этим предполагает, что *виды нарушений, доступные наблюдению и пониманию избирателей, негативнее влияют на явку, чем менее очевидные* (Гипотеза 6).

С технической точки зрения выделение и количественная оценка отдельных компонентов индекса PEI не составляют проблемы. Эта задача была решена участниками проекта Пиппы Норрис. В материалах проекта даны значения всех 11 индексов по шкале от 1 до 100, имеющих отношение к отдельным аспектам честности выборов.

Laws: честность избирательного законодательства;

Procedures: честность избирательных процедур, т.е. качество управления избирательным процессом, полнота информирова-

ния избирателей, честность организаторов выборов, соответствие избирательных процедур нормам закона;

Boundariesi: честная нарезка избирательных округов;

Voteregi: честность при составлении списков / регистрации избирателей;

Partyregi: честность при регистрации партий и кандидатов;

Mediai: честность при освещении кампании в СМИ, предполагающая равные условия доступа к ним партий и кандидатов;

Financei: честность при финансировании участия в выборах;

Votingi: честность избирательного процесса, т.е. отсутствие предвыборного насилия и нарушений при голосовании (вроде многократного голосования), а также доступность процедуры голосования для разных категорий граждан;

Counti: честность при подсчете голосов на избирательных участках;

Resultsi: честность при официальной публикации результатов выборов, предполагающая отсутствие протестов по итогам выборов;

EMBSi: честность органов, ответственных за проведение выборов, т.е. их беспристрастность, эффективность и публичная подотчетность.

Разумеется, Гипотезу 6 можно специфицировать применительно к отдельным компонентам. В соответствии с общей логикой гипотезы я ожидаю, что на явку относительно мало влияют такие сложные аспекты выборов, как избирательные законы, нарезка округов и механизмы регистрации избирателей. В большинстве стран эти вопросы привлекают внимание экспертов, а не широкой публики. То же самое касается и технической организации избирательного процесса. Поэтому я ожидаю, что в моделях, где соответствующие индексы используются в качестве независимых переменных, статистическая значимость их влияния на явку будет низкой. Остальные модели будут похожи на ту, в которой используется композитный индекс PEI.

Данные и результаты

Для эмпирического анализа были использованы данные проекта Пиппы Норрис [Perceptions of... 2016]. Из материалов проекта

взяты данные о явке избирателей, значения всех индексов честности, а также значения рейтинга Политических Прав Freedom House. В проекте содержатся данные как по отдельным выборам, так и по странам в целом. Поскольку единицей анализа в настоящем исследовании выступают страны и их политические режимы, было естественно использовать только данные на уровне стран. В материалах проекта доступны данные по 153 странам (213 выборов с 2012 по 2016 г.), поэтому хронологический диапазон исследования довольно узок. Но поскольку содержательная цель исследования – оценить влияние общественного восприятия честности выборов на явку избирателей в условиях современного авторитаризма, хронологическая однородность выборки является скорее преимуществом. Кроме того, сравнительная узость хронологического охвата проекта Норрис компенсируется широтой его географического охвата. Он включает в себя многие авторитарные режимы, ранее не привлекавшие внимания составителей баз данных [Birch, 2011; Hyde, Marinov, 2012; Kelley, 2014].

Поскольку база данных включает в себя как демократические, так и авторитарные режимы, необходимо было исключить из набора случаев демократии. Для этого был использован рейтинг Политических Прав Freedom House. В результате были исключены 93 страны со значениями рейтинга от 1 до 3. Всего в выборке остались 60 стран со значениями рейтинга от 4 до 7, то есть с авторитарными режимами. В немногих случаях, когда основной источник не содержал сведений о явке на выборы, я почерпнул их из базы данных PARLINE Межпарламентского союза [Inter-Parliamentary Union, 2016], однако две страны все же пришлось исключить из-за отсутствия данных. Это сократило выборку до 58 наблюдений¹. При операционализации понятия «коммунистический режим» я использовал жесткие критерии [Furtak, 1987], что

¹ В список включенных в исследование стран вошли следующие государства: Азербайджан; Алжир; Ангола; Армения; Афганистан; Бахрейн; Беларусь; Буркина-Фасо; Бурунди; Венесуэла; Вьетнам; Гаити; Гвинея; Гвинея-Бисау; Гондурас; Джибути; Египет; Зимбабве; Иордания; Ирак; Иран; Казахстан; Камбоджа; Камерун; Кения; Куба; Кувейт; Кыргызстан; Лаос; Мавритания; Мадагаскар; Малайзия; Мали; Мальдивские о-ва; Мозамбик; Мьянма; Непал; Нигерия; Оман; Пакистан; Руанда; Сингапур; Сирия; Соломоновы о-ва; Судан; Таджикистан; Таиланд; Того; Туркменистан; Уганда; Узбекистан; Украина; Центральноафриканская Республика; Чад; Шри-Ланка; Экваториальная Гвинея; Эсватини; Эфиопия.

свело эту категорию к трем странам – Вьетнам, Кубе и Лаосу (Китай выпал из исследования из-за отсутствия общенациональных выборов). Понятие «беспартийные выборы» операционализировано путем выделения стран, где политическим партиям официально запрещено выдвигать кандидатов на выборах (Бахрейн, Иран, Кувейт, Оман и Эсватини). В эту категорию был дополнительно включен Афганистан – не только потому, что партийная принадлежность кандидатов не указывается в избирательных бюллетенях, но и потому, что даже неформальной поддержкой партий пользуется лишь незначительная часть кандидатов. Описательные характеристики переменных даны в таблице 1.

Таблица 1
Дескриптивные характеристики переменных

	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Среднеквадратическое отклонение
Явка избирателей, %	67,58	67,88	17,8	99,4	18,82
Явка избирателей, логит-трансформированная	0,97	0,75	-1,53	5,11	1,23
Честность выборов (PEIIndex)	43,24	43,67	23,31	63,8	9,86
Авторитаризм	5,56	6,00	4,00	7,00	1,06
Коммунистический режим	0,05	0,00	0,00	1,00	0,22
Беспартийные Выборы	0,10	0,00	0,00	1,00	0,31
Компоненты честности выборов:					
<i>Laws</i>	39,91	36,51	9,58	75,56	18,22
<i>Procedures</i>	49,50	50,17	14,24	79,40	17,01
<i>Boundaries</i>	43,23	43,86	9,80	70,52	12,14
<i>Votereg</i>	38,10	38,41	13,11	75,69	15,32
<i>Partyreg</i>	44,36	45,52	21,72	61,34	11,15
<i>Media</i>	40,49	43,02	12,55	63,08	13,11
<i>Finance</i>	27,08	25,82	7,04	56,29	10,10
<i>Voting</i>	42,49	44,36	13,86	61,80	9,94
<i>Count</i>	53,64	56,38	17,99	74,38	14,71
<i>Results</i>	53,40	54,89	20,89	86,67	15,68
<i>EMBS</i>	43,90	41,05	12,85	70,49	15,36

Источник: Perceptions of... 2016; Inter-Parliamentary Union, 2016.

Прежде чем перейти к основным результатам исследования, остановимся на том, насколько различаются демократии и автократии по параметрам честности выборов и активности избирателей. Данные проекта П. Норрис исчерпывающе отвечают на этот

вопрос. Среднее значение индекса PEI для электоральных демократий – 67,6, с вариацией от 50,4 до 86,4. Это значительно выше, чем в автократиях, где среднее значение составляет 43,2. Но при этом некоторые авторитарные режимы показывают довольно высокие показатели честности на выборах. В 19 из них значения индекса превышают 50. Что касается явки, то тут различий гораздо меньше. Средняя явка в автократиях (67,6) немного превышает явку в демократиях (66,9). Отчасти это наблюдение отражает падение интереса к выборам в странах с устойчивым демократическим режимом и в большинстве новых демократий [Smets, van Ham, 2013]. Но эти цифры свидетельствуют также о способности современных автократий к массовой мобилизации избирателей. Интересно также, что негативная связь между индексом PEI и показателем политических прав гораздо сильнее в демократиях (Pearson's $r = -0,76$, значимо на уровне 0,01) чем в автократиях ($-0,3$, значимо на уровне 0,05). Это подтверждает сформулированную ранее мысль, что даже высокая степень авторитаризма может сочетаться со сравнительно честными выборами.

Основные результаты анализа приведены в таблице 2. Модель, использующая в качестве показателя честности выборов основной индекс PEI, полностью подтверждает все гипотезы исследования. Высокой явке в условиях авторитаризма способствуют как жесткость режима, так и восприятие выборов как честных. Но при этом сочетание высоких значений по обоим параметрам сказывается на явке негативно, что подтверждает Гипотезу 3. Важно, что основные гипотезы исследования оправдываются в рамках модели, в которой контролируются два потенциально возмущающих фактора – «Коммунистический режим» и «Беспартийные выборы». Сами эти факторы оказывают ожидаемое воздействие на явку избирателей.

Наблюдаемые эффекты высокосignификантны статистически. Хотя логит-трансформация несколько препятствует содержательной интерпретации коэффициентов, это препятствие легко устраняется с помощью обратной логит-трансформации ($y = \exp(x) / (1 + \exp(x))$), где x – логит-трансформированное значение, а y – нетрансформированное значение, представленное как абсолютная доля от единицы). Принимая значения протяженных переменных за константы, а дихотомических – за нули, получаем следующий результат: увеличение честности выборов на 10 пунктов ведет к росту явки примерно на 4%. При этом рост уровня авторитаризма на 1 пункт

увеличивает ее примерно на 4,5%. При этих подсчетах учтен интерактивный эффект. Анализ подтверждает колоссальную способность коммунистических режимов к мобилизации избирателей. Если соответствующая дихотомическая переменная принимает значение 1, то явка избирателей возрастает на 27%. Столь же силен – хотя и противоположен по направлению – эффект беспартийных выборов. Наличие этой характеристики снижает явку на 27%.

Таблица 2

Влияние честности выборов и характеристик политического режима на явку избирателей (логит-трансформированные абсолютные доли) в условиях авторитаризма, n = 58

	Коэффициенты (стандартные ошибки в скобках)						R-квадрат
	Честность выборов	Авторитаризм	Честность выборов × Авторитаризм	Коммунистический Режим	Беспартийные выборы	Константа	
PEIIndexi	0,19** (0,09)	1,56** (0,65)	-0,03** (0,02)	2,67*** (0,7)	-1,13*** (0,36)	-8,64** (3,92)	0,44
Lawsi	0,01 (0,04)	0,22 (0,35)	0,00 (0,01)	2,51*** (0,73)	-1,13*** (0,32)	-0,15 (2,11)	0,38
Proceduresi	0,11** (0,05)	1,10** (0,46)	-0,02** (0,01)	2,75*** (0,73)	-1,16*** (0,34)	-5,87** (2,83)	0,45
Boundariesi	-0,10* (0,06)	-0,78 (0,47)	0,02** (0,01)	2,28*** (0,83)	-1,04*** (0,26)	4,55* (2,47)	0,43
Votereg	0,06 (0,06)	0,49 (0,45)	-0,01 (0,01)	2,37** (1,01)	-1,33*** (0,36)	-2,43 (2,49)	0,44
Partyreg	0,15** (0,07)	1,39** (0,60)	-0,03** (0,01)	2,71*** (0,53)	-1,13*** (0,36)	-7,06* (3,74)	0,42
Mediai	0,05 (0,06)	0,53 (0,42)	-0,01 (0,01)	2,46*** (0,57)	-0,79** (0,39)	-1,42 (2,66)	0,42
Financel	0,11 (0,09)	0,64 (0,43)	-0,02 (0,02)	2,56*** (0,89)	-1,17*** (0,37)	-3,20 (2,67)	0,41
Votingi	0,21*** (0,07)	1,60*** (0,6)	-0,03** (0,01)	2,64*** (0,73)	-1,22*** (0,36)	-9,01*** (3,30)	0,48
Counti	0,09* (0,05)	1,04** (0,48)	-0,02* (0,01)	2,74*** (0,60)	-1,04*** (0,33)	-4,90* (2,93)	0,42
Resultsi	0,1** (0,05)	0,81* (0,43)	-0,01* (0,01)	2,48** (0,93)	-1,21*** (0,27)	-4,77** (2,38)	0,48
EMBs	0,08 (0,06)	0,80* (0,45)	-0,01 (0,01)	2,66*** (0,65)	-1,06*** (0,33)	-3,67 (2,75)	0,41

Остальные 11 моделей в таблице 2 служат проверке Гипотезы 6. Как и ожидалось, различные аспекты воспринимаемой нечестности выборов по-разному влияют на явку, но направление воздействия обычно такое же, как в основной модели. В соответствии с общей логикой Гипотезы 6, понятные для избирателей аспекты честности избирательного процесса влияют на их поведение так же сильно, как и честность выборов в целом, а иногда даже сильнее. Это касается прежде всего честности избирательных процедур, правил регистрации партий и кандидатов, процесса голосования и подсчета голосов, а также официальной публикации результатов выборов. Как я и ожидал, на явку избирателей мало влияют честность избирательных законов и регистрации избирателей (последнее, впрочем, может объясняться тем, что в автократиях она обычно носит автоматический характер), правила финансирования выборов и технические аспекты организации выборов. Трудно объяснить, почему явка избирателей малочувствительна к свободе СМИ, но результаты анализа свидетельствуют именно об этом. Как и ожидалось, слабы эффекты нарезки округов. Интересно, что направление воздействия противоположно наблюдаемому в других моделях. Однако этот результат косвенно свидетельствует в пользу тезиса об отрицательной связи между клиентелизмом и явкой. Ведь если клиентелизм стимулирует явку, то честная нарезка округов должна ее снижать, поскольку сокращает возможность создавать округа на основе клиентелистских баз поддержки.

Заключение

Эмпирический анализ подтверждает основные гипотезы исследования. Как и в демократиях, явка в авторитарных режимах положительно связана с честностью выборов. Заинтересованность автократов в повышении явки означает, что у них есть серьезная причина заботиться о честности выборов. Однако вытекающие из честных выборов выгоды для них вторичны, поэтому ими можно легко пожертвовать, когда итоги выборов представляют хотя бы минимальную угрозу. Кроме того, для повышения явки можно задействовать альтернативные механизмы, и жесткие авторитарные режимы располагают более мощным арсеналом таких механизмов, чем относительно либерализованные. Важно и то, что сочетание

относительно честных выборов с жестким авторитаризмом подталкивает оппозиционно настроенных избирателей к стратегическому абсентеизму. Судя по результатам исследования, наиболее рациональна для автократов стратегия, при которой общественность считает подсчет голосов относительно честным, но основной акцент при этом делается на мобилизацию лояльных избирателей за счет партийных и / или медийных механизмов воздействия. Если оптимальный баланс между этими элементами достигнут, то автократ может принять во внимание, что разные виды нарушений на выборах по-разному сказываются на активности избирателей. Некоторые аспекты нечестных выборов – например, несправедливое избирательное законодательство – серьезно влияют на политические итоги выборов, но почти не сказываются на явке.

Список литературы

- Birch S.* Perceptions of electoral fairness and voter turnout // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 43, N 12. – P. 1601–1622.
- Birch S.* Electoral malpractice. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. – 224 p.
- Blais A., Dobrzynska A.* Turnout in electoral democracies // *European journal of political research*. – Chichester, 1998. – Vol. 33, N 2. – P. 239–261.
- Blais A.* What affects voter turnout? // *Annual review of political science*. – Palo Alto, California, 2006. – Vol. 9, N 1. – P. 111–125.
- Blaydes L.* Elections and distributive politics in Mubarak's Egypt. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 288 p.
- Brambor T., Clark W.R., Golder M.* Understanding interaction models: Improving empirical analyses // *Political analysis*. – Cambridge, 2006. – Vol. 14, N 1. – P. 14–63.
- Brinks D., Coppedge M.* Diffusion is no illusion: Neighbor emulation in the third wave of democracy // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2006. – Vol. 39, N 4. – P. 463–489.
- Brownlee J.* Authoritarianism in an age of democratization. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 288 p.
- Bui T.* Elections in a communist party regime: Vietnam's electoral integrity reforms and challenges: Paper presented at the Australian Political Studies Association annual conference. – Sydney, 2014. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=2440088> (Accessed: 23.08.2018.)
- Bunce V.J., Wolchik S.L.* Defeating dictators: Electoral change and stability in competitive authoritarian regimes // *World politics*. – Baltimore, MD, 2010. – Vol. 62, N 1. – P. 43–86.
- Cancela J., Geys B.* Explaining voter turnout: A meta-analysis of national and subnational elections // *Electoral studies*. – Amsterdam, 2016. – Vol. 42. – P. 264–275.
- Carreras. M., Irepoğlu Y.* Trust in elections, vote buying, and turnout in Latin America // *Electoral studies*. – Amsterdam, 2013. – Vol. 32, N 4. – P. 609–619.

- Political choice in Britain / Clarke H., Sanders D., Stewart M., Whiteley P. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 392 p.
- Daadaoui M.* Rituals of power and political parties in Morocco: Limited elections as positional strategies // *Middle Eastern studies*. – L.: Routledge, 2010. – Vol. 46, N 2. – P. 195–219.
- Dahl R.A.* On democracy. – New Haven: Yale univ. press, 1998. – 217 p.
- Diaz-Cayeros A., Magaloni B., Weingast B.R.* Tragic brilliance: Equilibrium party hegemony in Mexico // *Social Science Research Network (SSRN)*. – 2003. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1153510> (Accessed: 23.08.2018.)
- Echebarria Echabe A.* System-justifying beliefs and political disaffection // *Journal of applied social psychology*. – Hoboken, NJ, 2014. – Vol. 44, N 3. – P. 234–240.
- Egorov G., Guriev S., Sonin K.* Why resource-poor dictators allow freer media: A theory and evidence from panel data // *American political science review*. – Baltimore, MD, 2009. – Vol. 103, N 4. – P. 645–668.
- Fornos C.A., Power T.J., Garand J.C.* Explaining voter turnout in Latin America, 1980 to 2000 // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 37, N 8. – P. 909–940.
- Franklin M.* Voter turnout and the dynamics of electoral competition in established democracies since 1945. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – 294 p.
- Friedgut T.H.* Political participation in the USSR. – Princeton: Princeton univ. press, 1979. – 253 p.
- Furtak R.K.* The political systems of the socialist states: An introduction to Marxist-Leninist regimes. – N.Y.: St. Martin's press, 1987. – 308 p.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // *Annual review of political science*. – Palo Alto, California, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.
- Gans-Morse J., Mazucca S., Nichter S.* Varieties of clientelism: Machine politics during elections // *American journal of political science*. – N.Y., 2014. – Vol. 58, N 2. – P. 415–432.
- Geddes B.* Paradigms and sand castles: Theory building and research design in comparative politics. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2003. – 314 p.
- Geys B.* Voter turnout: A review of aggregate-level research // *Electoral studies*. – Amsterdam, 2006. – Vol. 25, N 4. – P. 637–663.
- Golosov G.V.* Authoritarian party systems: Patterns of emergence, sustainability and survival // *Comparative sociology*. – Leiden, 2013. – Vol. 12, N 5. – P. 617–644.
- Golosov G.V.* Why and how electoral systems matter in autocracies // *Australian journal of political science*. – Melbourne, 2016 a. – Vol. 51, N 3. – P. 367–385.
- Golosov G.V.* Voter volatility in electoral authoritarian regimes: Testing the tragic brilliance' thesis // *Comparative sociology*. – Leiden, 2016 b. – Vol. 15, N 5. – P. 535–559.
- Goodnow R., Moser R.G., Smith T.* Ethnicity and electoral manipulation in Russia // *Electoral studies*. – Amsterdam, 2014. – Vol. 36. – P. 15–27.
- Grönlund K., Setälä M.* Political trust, satisfaction and voter turnout // *Comparative European politics*. – L., 2007. – Vol. 5, N 4. – P. 400–422.
- Gunther R., Diamond L.* Species of political parties: A new typology // *Party politics*. – Thousand Oaks, California, 2003. – Vol. 9, N 2. – P. 167–199.

- Guterbock T.M.* Machine politics in transition: Party and community in Chicago. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – 324 p.
- Hadjar A., Beck M.* Who does not participate in elections in Europe and why is this // European societies. – L.: Routledge, 2011. – Vol. 12, N 4. – P. 521–542.
- Howard M.M., Roessler P.G.* Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes // American journal of political science. – N.Y., 2006. – Vol. 50, N 2. – P. 365–381.
- Hyde S.D., Marinov N.* Which elections can be lost? // Political analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – Vol. 20, N 2. – P. 191–201.
- Inter-Parliamentary Union 2016 // PARLINE database on national parliaments. – Mode of access: <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp> (Accessed: 23.08.2018.)
- Isaacs R., Whitmore S.* The limited agency and life-cycles of personalized dominant parties in the post-Soviet space: The cases of United Russia and Nur Otan // Democratization. – L., 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 699–721.
- Jackman R.W., Miller R.A.* Voter turnout in the industrial democracies during the 1980s // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 1995. – Vol. 27, N 4. – P. 467–492.
- Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S.* Unbundling the relationship between authoritarian legislatures and political risk // British journal of political science. – L., 2014. – Vol. 44, N 3. – P. 655–684.
- Karklins R.* Soviet elections revisited: Voter abstention in noncompetitive voting // American political science review. – Baltimore, MD, 1986. – Vol. 80, N 2. – P. 449–469.
- Karp J.A., Banducci S.A.* Political efficacy and participation in twenty seven democracies: How electoral systems shape political behaviour // British journal of political science. – L., 2008. – Vol. 38, N 2. – P. 311–334.
- Kelley J.* Data on international election monitoring: Three global datasets on election quality, election events and international election observation // ICPSR31461-v2. – Ann Arbor, MI: Inter-university consortium for political and social research (ICPSR) [distributor], 2014. – August 29. – DOI: 10.3886/ICPSR31461.v2
- Kostadinova T.* Voter turnout dynamics in post-communist Europe // European journal of political research. – Amsterdam, 2003. – Vol. 42, N 6. – P. 741–759.
- Kostadinova T., Power T.J.* Does democratization depress participation? Voter turnout in the Latin American and Eastern European transitional democracies // Political research quarterly. – Salt Lake City, Utah, 2007. – Vol. 60, N 3. – P. 363–377.
- Kuenzi M., Lambright G.M.* Voter turnout in Africa's multiparty regimes // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 6. – P. 665–690.
- Lehoucq F., Molina I.* Stuffing the ballot box: Fraud, election reform, and democratization in Costa Rica. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 278 p.
- Lijphart A.* Patterns of democracy: Government forms and performance in thirty-six countries. – New Haven: Yale univ. press, 1999. – 368 p.
- Lindberg S.I.* Consequences of electoral systems in Africa: A preliminary inquiry // Electoral studies. – Amsterdam, 2005. – Vol. 24, N 1. – P. 41–64.
- Democratization by elections: A new mode of transition / Ed. by S.I. Lindberg. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2009. – 406 p.
- Lockhart G.* Mass mobilisation in contemporary Vietnam // Asian studies review. – N.Y., 1997. – Vol. 21, N 2/3. – P. 174–179.

- Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism: Preliminary lessons from Jordan // Democratization. – L., 2006. – Vol. 13, N 3. – P. 456–471.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Magaloni B.* The game of electoral fraud and the ousting of authoritarian rule // American journal of political science. – N.Y., 2010. – Vol. 54, N 3. – P. 751–765.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political order and one-party rule // Annual review of political science. – Palo Alto, California, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143.
- Malesky E., Schuler P.* Paint-by-numbers democracy: The stakes, structure, and results of the 2007 Vietnamese national assembly election // Journal of Vietnamese studies. – Berkeley, 2009. – Vol. 4, N 1. – P. 1–48.
- Martinez i Coma F.* Turnout determinants in democracies and in non-democracies // Electoral studies. – Amsterdam, 2016. – Vol. 41. – P. 50–59.
- Mueller D.C., Stratmann T.* The economic effects of democratic participation // Journal of public economics. – Amsterdam, 2003. – Vol. 87, N 9/10. – P. 2129–2155.
- Munck G.L., Verkuilen J.* Conceptualizing and measuring democracy: Evaluating alternative indices // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 5–34.
- Norris P.* Electoral engineering: Voting rules and political behavior. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2002. – 226 p.
- Norris P.* Why electoral integrity matters. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – 297 p.
- Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A.* Disenchanted or discerning: Voter turnout in post-communist countries // Journal of politics. – Chicago: The university of Chicago press, 2009. – Vol. 71, N 2. – P. 473–491.
- Pappas T.S.* Patrons against partisans: The politics of patronage in mass ideological parties // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 15, N 3. – P. 315–334.
- Pérez-Liñán A.* Neoinstitutional accounts of voter turnout: Moving beyond industrial democracies // Electoral studies. – Amsterdam, 2001. – Vol. 20, N 2. – P. 281–297.
- Perceptions of electoral integrity (PEI-4.5) / P. Norris, F. Martinez i Coma, A. Nai, M. Gromping // Harvard Dataverse. V2. – 2016. – DOI: 10.7910/DVN/LYO57K.
- Clientelism, interests, and democratic representation: The European experience in historical and comparative perspective / Ed. by S. Piattoni. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 256 p.
- Pop-Eleches G., Tucker J.A.* Communist socialization and post-communist economic and political attitudes // Electoral studies. – Amsterdam, 2014. – Vol. 33. – P. 77–89.
- Radcliff B., Davis P.* Labor organization and electoral participation in industrial democracies // American journal of political science. – N.Y., 2000. – Vol. 44, N 1. – P. 132–141.
- Rodan G.* Embracing electronic media but suppressing civil society: Authoritarian consolidation in Singapore // Pacific review. – L.: Routledge, 2003. – Vol. 16, N 4. – P. 503–524.
- Schattschneider E.E.* The semisovereign people: A realist's view of democracy in America. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960. – 147 p.

- Schatz E.* The soft authoritarian tool kit: Agenda-setting power in Kazakhstan and Kyrgyzstan // Comparative politics. – N.Y.; Chicago, Ill., 2009. – Vol. 41, N 2. – P. 203–222.
- Schedler A.* The nested game of democratization by elections // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 103–122.
- Simpser A.* Does electoral manipulation discourage voter turnout? Evidence from Mexico // Journal of politics. – Chicago: The univ. of Chicago press, 2012. – Vol. 74, N 3. – P. 782–795.
- Smets K., van Hamb C.* The embarrassment of riches? A meta-analysis of individual-level research on voter turnout // Electoral studies. – Amsterdam, 2013. – Vol. 32, N 2. – P. 344–359.
- Smith B.* Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. – Baltimore, MD, 2005. – Vol. 57, N 3. – P. 421–451.
- Stockemer D., LaMontagne B., Scruggs L.* Bribes and ballots: The impact of corruption on voter turnout in democracies // International political science review. – Beverly Hills, CA, 2013. – Vol. 34, N 1. – P. 74–90
- Stockemer D.* What affects voter turnout? A review article: Meta-analysis of aggregate research // Government and opposition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – Vol. 52, N 4 – P. 698–722. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/gov.2016.30>.
- Stokes S.C.* Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina // American political science review. – Baltimore, MD, 2000. – Vol. 99, N 3. – P. 315–325.
- Tóka G.* Expressive vs. instrumental motivation of turnout, partisanship and political learning // The comparative study of electoral systems / Ed. by H.-D. Klingemann. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – P. 269–288.
- Tullock G.* The charity of the uncharitable // Western economic journal. – Long Beach: Calif. Western Economic Association, 1971. – Vol. 9, N 4. – P. 379–392.
- van Ham C., Lindberg S.I.* Choosing from the menu of manipulation: Explaining incumbents' choices of electoral manipulation tactics. – Gothenburg: University of Gothenburg, 2016. – (V-Dem Institute Working Paper; N 30). – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2788475 (Accessed: 23.08.2018.)
- Zavadskaya M., Welzel C.* Subverting autocracy: Emancipative mass values in competitive authoritarian regimes // Democratization. – L., 2015. – Vol. 22, N 6. – P. 1105–1130.